

ЦЕРКОВНО-КАНОНИЧЕСКИЕ И ЭККЛЕЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПРОТОПРЕСВИТЕРА МИХАИЛА ПОЛЬСКОГО И ИХ РОЛЬ В ЮРИСДИКЦИОННЫХ СПОРАХ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЭМИГРАЦИИ

THE CANONICAL AND ECCLESIOLOGICAL VIEWS OF PROTOPRESBYTER MICHAEL POL'SKIY AND THEIR ROLE IN JURISDICTIONAL DISPUTES IN RUSSIAN CHURCH EMIGRATION

V. Suvorov

Annotation

Protopresbyter Michael Pol'skiy is considered one of the main "ideologists" of the Russian Church Abroad, the most intransigent in regard to the Moscow Patriarchate. In the 20th century his works have played an important role in Russian jurisdictional disputes. The article analyses the canonical and ecclesiological views of Archpriest Michael and the feedback from Russian theologians of the "Moscow" and "evlogians" orientations. The author points to the consonance of ideas of FR. Michael separate main themes of Russian theological thought of the 20th century and identifies the distinctive features of his position. The article concludes that the ecclesiological and canonical views of FR. Michael, despite his rejection of the Moscow Patriarchate, largely coincided with its official position. And today the ideas expressed by father Michael played a significant role in the Church debate on many important issues – such as higher management in the Russian Orthodox Church, its relations with state power and with the Constantinople Throne.

Keywords: History of the Church, the Russian Orthodox Church, Russian church emigration, jurisdictional disputes, Orthodox ecclesiology, canon law, Russian theology in the 20th century.

Суворов Вадим Геннадьевич

Протоиерей, магистр естественных наук (МФТИ, 1995), кандидат богословия (МДА, 2006), соискатель степени доктора богословия в Общецерковной докторантуре им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, член Коллегии по рецензированию и экспертной оценке Издательского Совета Русской Православной Церкви, преподаватель Коломенской духовной семинарии

Аннотация

Протопресвитер Михаил Польский долгие годы считался одним из главных "идеологов" Русской Зарубежной Церкви, наиболее непримиримых в отношении Московской Патриархии. В 20 столетии его труды сыграли важную роль в русских юрисдикционных спорах. В статье анализируются церковно-канонические и экклезиологические взгляды прот. М. Польского и отклик на них со стороны русских богословов "московской" и "евлогианской" ориентаций. Автор указывает на созвучие идей Польского отдельным магистральным темам русской богословской мысли 20 столетия и отмечает отличительные черты его позиции. В статье делается вывод, что экклезиологические и канонические воззрения прот. Михаила, несмотря на неприятие им Московской Патриархии, во многом совпали с ее же официальной позицией. Идеи, сформулированные Польским, и сегодня продолжают играть существенную роль в церковной полемике по многим актуальным вопросам – таким как высшее управление в РПЦ, ее отношения с государственной властью, взаимоотношения с Константинопольским Престолом.

Ключевые слова:

История Церкви, Русская Православная Церковь, русская церковная эмиграция, юрисдикционные споры, православная экклезиология, церковное право, русское богословие XX века.

Одну из ключевых ролей в русских юрисдикционных спорах XX века сыграли публикации главного "идеолога" "карловчан" – протопресвитера Михаила Польского (1891–1960), которому принадлежала попытка наиболее развернутого богословско-канонического и исторического обоснования позиций Русской Зарубежной Церкви (см.: [4],[5],[6],[7]). Наиболее системно его аргументация была изложена в книге "Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей", вышедшей в Джорданвилле (США) в 1948 [5]. Данная книга, по характеристике "советского" [1, с. 294] ка-

нониста проф. С.В. Троицкого, явилась "самой подробной аполгией Карловацкого раскола, пользуется у карловчан–анастасиевцев" большим авторитетом, как своего рода их "символическая книга" [12, с. 4]. Не секрет, что аргументы, изложенные М. Польским, и сегодня остаются основными у ряда критиков современной Московской Патриархии.

В России протопресвитер Михаил прошел исповеднический путь и на себе испытал всю тяжесть гонений от безбожного большевистского режима. В 1922 году

Польский был арестован, сидел в Соловецком лагере. После побега из ссылки он пробрался через Сибирь в Персию (1930) и был принят в юрисдикцию Русской Заграницей Церкви, верность которой сохранял до конца жизни [3, с. 372–373]. С Польским полемизировали в своих экклезиологических работах прот. Александр Шмеман [13, 14], представлявший "евлогийскую" ветвь русской церковной эмиграции, и проф. С.В. Троицкий, защищавший после Второй мировой войны позиции Московской Патриархии [12].

В книге "Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей" Польский стремится доказать, что единственной канонической церковной властью в Российской Православной Церкви – как для заграничной ее части, так с 1927 г. (после "декларации" митрополита Сергия) и для самой России, – является Заграничный Собор Архиепископов. Все остальные русские юрисдикции: Московская Патриархия, ее экзархат в Западной Европе, Русский экзархат Константинопольской юрисдикции и "Американская автономия" – представляют собой "неканонические учреждения".

Свою позицию прот. Михаил строит на трех главных основаниях: 1.) 34–м Апостольском правиле, 2.) Постановлении № 362 Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви от 7/20 ноября 1920 г. 3.) и понятии "Духовного Собора".

Книга Польского начинается с цитаты из 34–го Апостольского правила, к которому он многократно обращается. В этом правиле, по словам автора, сформулирован принцип, который, "отражая догмат Пресвятой Троицы во едином Боге, неразрывно сочетает в церковном управлении единоличное начало с соборным, и является основным критерием для суждения о каноническом положении высшей церковной власти в России" [5, с. 5].

Начиная с общероссийской дискуссии о восстановлении Патриаршества, данный подход к 34–му правилу являлся общим для русской экклезиологии XX века. Прот. М. Польский высоко оценивает значение решений Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг., так как этот Собор восстановил Патриаршество, и вместе с ним – принцип соборности, в соответствии с 34–м правилом. В традиции последователей юрисдикции Русской Заграницей Церкви большое значение прот. М. Польский придает Постановлению № 362 от 7/20 ноября 1920 г., в котором нашло отражение то же сочетание единоличного и соборного начала в церковном устройстве, что и в 34–м правиле (см.: [10]).

По мысли Польского, основной экклезиологический принцип, выраженный в 34–м Апостольском каноне, за-

ключается в том, что все епископы равны между собой по благодати священства, и больший над ними есть собор из них самих. Поэтому епископы не могут единолично друг друга судить, поставлять себе преемников, единолично рукополагать один другого, и делают это не иначе как с собором и по суду епископов. Самовластие, диктатура первенствующего епископа есть не только искажение канонического порядка, но и нарушение "догмата соборности" – ересь папизма.

В русле идеологии "карловчан" Польский утверждает, что митрополит Сергий (Страгородский) не только нарушил каноны, но фактически допустил в Русской Церкви ересь папизма – ввел при поддержке безбожных властей "диктатуру первого епископа". В Русской Церкви, в соответствии с советской системой, был установлен диктаторский способ управления. Какого-либо церковного органа, реально ограничивающего действия патриарха, уже нет. Открытая борьба за истину исключена. Синод и какой-либо Собор допускаются постольку, поскольку эти учреждения поддержат позицию первого епископа, принятую им от гражданской власти. Синод и Собор при Патриархе только создают видимость соборности, придают решениям церковной власти формальный авторитет, однако в действительности никакой соборности нет – все решается по "приказу сверху". Прикрываясь формальной буквой канонов, митрополит Сергий сумел подменить подлинную соборность созданием официального, послушного ему и безбожным властям Синода. Так же искусственно был подобран им епископат. По убеждению Польского, церковное управление, созданное митрополитом Сергием, будучи формально правильным, в действительности являлось самочинным и незаконным учреждением.

Польский продолжает развивать идею, характерную для русского богословия XX века, по меньшей мере, с предсоборной дискуссии о восстановлении Патриаршества, согласно которой соборность не сводится к наличию собора епископов под председательством первенствующего и, в принципе, не может быть гарантирована теми или иными формальными каноническими институтами. Согласно Польскому, для Церкви, кроме формальной канонической законности, прежде всего, важна нравственная правда, а не формальная законность без правды. Единство в вере и истине, любовь и общение в Духе Святом, причастие от Единого Хлеба важнее формальной канонической законности и внешнего, административного единства. Сила Церкви, согласно Польскому, заключается не во внешней ее организации, а в единении веры и любви ее чад. Формальной властью не обладает в Церкви даже Вселенский Собор, который, не имея определенных внешних признаков, признается таковым рецепцией всей Церкви. Особое значение Польский придает живому единству, взаимопониманию первого епископа со свои-

ми епископами, а епископов – со своей паствой, поскольку только в этом случае они могут реально представлять свои Церкви и служить звеном, включающим их в единый соборный организм. В этих рассуждениях Польский, будучи представителем консервативного "карловацкого" богословия, парадоксально сближается с "евхаристической экклезиологией" и пневматологическим подходом к Церкви, которые в XX веке сформулировал Н. Афанасьев (см., например: [9]).

Возможность произвола, злоупотребления положением единоличного возглавителя Церкви, соблазн власти или восхищения высших ее прав, по мысли Польского, всегда могут превратиться в действительность и в Православной Церкви. В этом Польский созвучен идеям, высказанным как отдельными русскими богословами конца XIX века (например, прот. А. Лебедевым [2, с. 233]), так и участниками Поместного Собора 1917–18 гг. [8].

Притязания Константинопольской Церкви на всю православную диаспору и исключительное право вмешиваться во внутренние дела других Автокефальных Церквей Польский считает проявлением восточного папизма, совпадая в этой оценке с позицией Московской Патриархии, выраженной в канонических статьях проф. С.В. Троицкого, но расходясь при этом с русскими богословами "евлогианской" ориентации (прежде всего, Шмеманом).

Польский отрицает теорию об исключительном праве Константинопольского патриарха на православную диаспору, излагая позицию, сходную с позицией С.В. Троицкого. Польский считает необходимым различать каноническую территорию автокефальной Церкви от ее миссионерских территорий вне ее границ. Долг и право осуществлять миссионерскую деятельность принадлежит всем Церквам, а не одной Константинопольской Церкви. Каждая автокефальная Церковь имеет право основывать миссии, приходы и епархии за пределами границ своих государств, по своему произволению и под своим непосредственным управлением, а на территориях других Православных Церквей – с их разрешения. Русские приходы всегда пребывали за границей на правах миссии, в своей собственной юрисдикции. Территория Западной Европы, по мысли Польского, ранее входила в юрисдикцию Патриарха Римского, поэтому мнение, что права на эту юрисдикцию должны перейти к Константинополю, не имеет достаточных оснований. Ссылки на 28-е Халкидонское правило Польский также считает безосновательными (совпадая в этом частном вопросе с богословами "евлогианской" ориентации).

Прот. Михаил считает недопустимыми и антиканоничными попытки вмешательства одной Поместной Церкви во внутренние дела и границы другой и указывает на 10

примеров, начиная с 1920-х годов, "захватных стремлений" со стороны Константинопольской Патриархии: поддержку обновленцев в деле Патриарха Тихона, подчинение русских епархий в Финляндии и Эстонии, предоставление в 1924 году автокефалии Польской Церкви, принятие в свою юрисдикцию митрополита Евлогия, объявление Афона исключительной собственностью Греческой Церкви с недопущением туда монахов славян и т.д. [5, с. 128–130]. Оценка Польским этих действий Константинопольского Престола совпадала с официальной позицией Московской Патриархии. Шмеман упрекает Польского в том, что последний, отстаивая абсолютный автокефализм Поместных Церквей, "в унисон с Журналом Московской Патриархии" перечисляет все проявления враждебности церковного "империализма" Вселенского Патриархата – "греческого папизма" [13, с. 333].

В негативной оценке действий Константинопольского Престола по делу Патриарха Тихона сходились все без исключения русские юрисдикции. Особенностью позиции Польского как представителя "карловацкой" юрисдикции являлось осуждение им и митрополита Евлогия, и Вселенской Патриархии за их признание законности Московской Патриархии. Вместе с тем, мысль Польского здесь двойна: когда речь идет о митрополите Евлогии, Польский рассуждает о церковной власти Московской Патриархии как о законной. Он справедливо указывает на то, что согласно канонам, Константинопольский Патриархат не мог притязать на чужие епархии и не мог принять запрещенного другим иерархом митрополита, если он считал Московскую Патриархию законной. Каноны допускают перемену юрисдикции только с согласия той церковной власти, к которой до перехода в новую принадлежал этот иерарх и его приходы. Всякое нарушение прав автокефалии и вмешательство в дела другой церкви должно признаваться недействительным.

В своих экклезиологических и канонических рассуждениях Польский касается одной из центральных и дискуссионных тем в русском богословии – значения территориального и национального принципов в церковно-административном устройстве. Польский справедливо критикует "евлогиан" за их попытку использовать территориальный принцип в качестве оправдания вселенской юрисдикции Константинопольского Патриарха над национальными диаспорами.

По мысли Польского, существование параллельных юрисдикций в миссионерских областях, находящихся вне территории определенной Поместной Церкви, вполне оправдано. Здесь, согласно церковной практике, для осуществления пастырских задач церковно-административное деление может следовать народному признаку [7, с. 11–12]. Позиция Польского в этом вопросе была близка позиции С.В. Троицкого, которому принадлежит наибо-

лее удачное решение в XX веке данной проблемы (наиболее полно его позиция представлена в: [11]).

Наиболее спорным в позиции Польского является его утверждение о том, что все русские юрисдикции (и "евлоганская", и "московская", и "американская"), за исключением Заграничной Церкви, являются "неканоническими учреждениями". Польский категорично утверждает: единственной канонической церковной властью в Российской Православной Церкви с 1927 г. является Заграничный Собор Архидиаконов. Митрополит Сергей и созданная им Патриархия, по убеждению Польского, должны быть низвержены и отлучены как еретики и избранники мирских начальников.

Богословы "евлоганской" ориентации в лице прот. А. Шмемана справедливо критиковали этот обличительный пафос "карловчан" и монополизацию ими права считаться "истинно православными": "Мы не усваиваем себе миссии представительства катакомбной Церкви и роли будущих судей московской иерархии, – писал Шмеман, – и это потому, что, по нашему мнению, наше положение не уполномочивает нас на это. Нам кажется, что есть что-то нестерпимое, когда епископ, живущий в Америке, посылает католическому кардиналу телеграммы "от имени заливной кровью мучеников Русской Церкви". Мы думаем, что если есть свой путь для оставшихся, то свой путь есть и для ушедших. И эти пути встречаются и открываются как единый путь в верности Христовой правде, в исполнении подлинной сущности Церкви, за которую как раз и страдают современные русские исповедники" [13, с. 336].

Шмеман, а от лица Московской Патриархии и проф. С.В. Троицкий, вполне обоснованно указывали на каноническую шаткость позиций самого Зарубежного Синода. Так, по мнению Шмемана, зарубежный Архиерейский Собор представляет собой "беспреимущественный орган новой формации, состоящий из беженских архиереев без паств и не имеющих вне пределов Сербской Патриархии никакой юрисдикции и никаких прав, кроме самочинных" [14, с. 376–377]. По мнению Шмемана, никакие цитаты и ссылки не докажут, каким образом из Высшего Церковного Управления на Юге России мог вырасти Зарубежный Синод и Собор "ибо меньшее не может породить большее, часть – целое <...> Ничто не сделает каноническим то странное и неслыханное в истории Церкви положение, согласно которому Зарубежный Собор Епископов возглавляется архиереем, не имеющим как епископ собственной кафедры, своей паствы" [14, с. 377].

Похожую оценку канонической законности Карловацкого ВЦУ дает и С.В. Троицкий в его книге "О неправде карловацкого раскола" (Париж, 1960). Троицкий опровергает тезис Польского о неканоничности Московской

Патриархии и каноничности Зарубежного Синода, но соглашается с критикой притязаний Константинополя. Троицкий отмечает, что Польский, опровергая притязания Константинопольской Патриархии на юрисдикцию над православной диаспорой во всем мире, повторяет аргументацию его собственных статей по этому вопросу [12, с. 104].

Попытки Польского подтвердить каноничность Карловацкого ВЦУ ссылками на 18-е правило Антиохийского Собора и 37-е правило 6 Вселенского Собора Троицкий считает безосновательными. По смыслу этих правил, покинувшие свою паству епископы могут пользоваться своей епископской властью "не в отношении того места, где вынуждены жить, а в отношении к клирикам той епархии, куда они не могли прибыть" [12, с. 84].

Постановление № 362, как и другие канонические тексты, приводимые "карловчанами" для обоснования своего положения, в действительности устанавливали порядок управления для епархий, утративших связь со своим руководящим центром, и не предоставляли беженским архиереям, покинувшим свои епархии, новую юрисдикцию на месте их фактического пребывания. Канонически слабым являлось и используемое Польским понятие "Духовного Собора". По мнению Польского, ни Собор, ни Синод не связаны территорией и могут по необходимости переехать в "какое-либо другое государство" [5, с. 128]. Данный подход справедливо критиковался русским богословами и канонистами – как "евлоганской", так и московской юрисдикций.

Утверждение Польского, а вместе с ним остальных апологетов Зарубежной Церкви о том, что легализация – "признание государством права Церкви на самоорганизацию в нем по ее внутренним законам" [5, с. 18] – обязательно должно иметь условием "обращение к вере" со стороны государства, очевидно, не имеет достаточных исторических и богословских оснований.

В отношении сотрудничества с государственной властью Зарубежный Синод, открыто поддержавший фашистский режим, также не был нравственно безупречен.

Слабой стороной экклезиологии первенства, разработанной Польским, являлся своеобразный изоляционизм, ограниченность русскими внутрицерковными проблемами. Польский подчеркивает полную независимость друг от друга Автокефальных Поместных Церквей и часто рассуждает так, как будто бы Вселенской Церкви, других Поместных Православных Церквей и взаимоотношений между ними вовсе не существует. Права Зарубежного Архиерейского Синода, например, Польский считает возникшими как явление внутренней жизни автокефальной Русской Церкви и потому существующими "незави-

симо от воли и согласия какой-либо Поместной Церкви" [5, с. 127]. На этот недостаток экклезиологических рас- суждений Польского указывали как Шмеман, так и Троицкий.

Польский признает, что Поместные Православные Церкви, не имея земного объединяющего центра, живут разрозненно, обособлены друг от друга политическими и национальными перегородками, лишены физического общения между собой [5, с. 16]. Однако для Польского это не недостаток, а достоинство Православной Церкви – свидетельство того, что и без объединяющего внешнего центра Поместные Автокефальные Церкви сохраняют единство веры и духа.

По мнению Польского, именно благодаря тому, что Вселенская Церковь не имеет единого земного центра, она сохраняет единство со своим небесным Главой – Христом. Здесь Польский сближается с теорией, назван- ной Шмеманом "теорией абсолютного автокефализма", которая в крайней форме была сформулирована С.В. Троицким. Согласно этой теории, Вселенская Церковь в принципе не может иметь на земле единого председа- теля или главы, поскольку у нее есть только один Невиди-

мый Глава – Христос. Экклезиологическая несостоятель- ность данной теории была убедительно показана Шме- маном и другими видными русскими богословами.

В целом можно сказать, что экклезиологические и ка- нонические взгляды прот. Михаила Польского, несмотря на неприятие им и Зарубежной Церковью Московской Патриархии, во многом совпали с официальной позицией Московского Патриархата в XX веке. Противоречия, ко- торые существовали в то время между русскими юрис- дикциями, были обусловлены, прежде всего, политичес- кими причинами и явились следствием той колоссальной трагедии, которая постигла русский народ и Русскую Церковь с приходом большевистской власти.

Следует также отметить, что проблемы, затронутые Польским, – вопросы внутреннего управления Русской Православной Церкви, ее отношений с государственной властью, взаимоотношений Московского Патриархата с Константинопольским Престолом, – не только не потеря- ли своей актуальности, но в последнее время еще более обострились. Идеи, сформулированные Польским, про- должают играть существенную роль в церковной поле- мике и потому достойны нового осмысления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карташев А.В. Вселенские Соборы. СПб.: Библиополис, 2002.
2. Лебедев А., прот. О главенстве папы. Разности православных и папистов в учении о Церкви. СПб., 1903.
3. Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920–1995: Биографический справочник / Библиотека-фонд "Русское зарубежье". М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2007.
4. [Польский] Михаил, свящ. Положение Церкви в советской России. Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931.
5. Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Типография преп. Иова Почаевского в Св.-Троицком монастыре, 1948.
6. Польский М., прот. Современное состояние Православной Церкви в СССР. [Б.м.], 1946.
7. Польский, М., прот. Очерк положения Русского Экзархата вселенской юрисдикции. Jordanville (New York): Holy Trinity Monastery, 1952.
8. Суворов В., иерей. Дискуссия о восстановлении патриаршества на Поместном Соборе 1917–1918 гг. и некоторые актуальные проблемы высшего церковного управления в Русской Православной Церкви. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/2271021.html> (дата обращения: 25.11.2011).
9. Суворов В., иерей. Проблема первенства в трудах протопресвитера Николая Афанасьева // Церковь и время. № 3 (64). М.: ОВЦС МП, 2013. С. 111–154.
10. Суворов В., прот. Постановление Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви 1920 года и его роль в юрисдикционных спорах русской церковной эмиграции // Вестник челябинского государственного университета. История. Вып. 66. № 24 (379). 2015. С. 182–189.
11. Троицкий С., проф. Экклезиология парижского раскола // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. № 7–8. Париж, 1951. С. 10–33.
12. Троицкий С.В., проф. О неправде Карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского "Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей". Париж, 1960.
13. Шмеман А., прот. Церковь и церковное устройство. По поводу книги прот. Польского "Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей" // Собрание статей. 1947–1983 / Сост. Е.Ю. Дорман; Предисл. А.И. Кырлежева. М.: Русский путь, 2009. С. 314–345. Статья печаталась частями – с ноября 1948 по июнь 1949 – в Церковном вестнике Западно-Европейского Православного Русского Экзархата в Париже.
14. Шмеман А., прот. Эпилог // Собрание статей. 1947–1983 / Сост. Е.Ю. Дорман; Предисл. А.И. Кырлежева. М.: Русский путь, 2009. С. 374–378. Впервые опубликовано в: Церковный вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата. Париж. 1952. № 5 (38).